

УДК 82.091

**ГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ М.А.КУЗМИНА: ЦИКЛ
СТИХОТВОРЕНИЙ «СОФИЯ» (1918)**

Т.О.Сотова

GNOSTIC RELIGIOUS BELIEFS IN THE POETIC CYCLE BY M.A.KUZMIN "SOPHIA" (1918)

T.O.Sotova

Московский государственный областной университет, kimun.ms@list.ru

В статье исследуется поэтический цикл М.А.Кузмина «София» (1918), в котором нашли отражение религиозные воззрения гностиков. Проводятся параллели с другими стихотворениями разных лет.

Ключевые слова: *гностицизм, Рим, христианство, София, секта*

This article explores the poetic cycle by M.A.Kuzmin "Sofia" (1918), reflecting Gnostic religious beliefs. Parallels with other poems from different periods of time are shown.

Keywords: *Gnosticism, Roma, Christianity, Sofia, sect*

К гностицизму в своем творчестве Кузмин обращался с середины 1890-х годов. Поэт переживал тогда серьезный духовный кризис. Отсутствие духовной опоры, глубокое чувство одиночества, ощущение своей порочности воспринималось им крайне тяжело. Следствием этого были неудавшаяся попытка самоубийства, путешествие в Италию, едва не закончившееся для поэта переходом в католичество, а после возвращения пробудившееся чувство связанности с родными истоками, глубокое увлечение старообрядчеством. Весной—летом 1895 года, Кузмин побывал в Египте. Судя по всему, именно тогда, на фоне общего увлечения Древним и эллинистическим Египтом зародился его интерес к учениям гностиков.

Гностицизм стал серьезной вехой не только в череде духовных поисков самого поэта, но и в познании им культурно-исторических явлений. Поэту импонировало отсутствие строгого канона, сочетание восточного мистицизма с идеями античных философов, и, что особенно важно, идея «спасения для избранных», проповедовавшаяся всеми без исключения гностическими школами, а вслед за ними и масонами.

Своего рода религиозная неудовлетворенность была характерна вообще для европейского общества рубежа XIX—XX столетий. Следствием этого стала огромная популярность восточных религий и разного рода мистических культов, масонских лож и других эзотерических обществ, а также возникновение новых религиозных учений. Сложность внутреннего мира Кузмина, интуитивное ощущение, что истина должна быть «не для всех», пробудила его интерес к «сопутствующим» течениям в христианстве. По тем же причинам привлекало поэта и христианство первых веков, т.е. на том этапе, когда его последователи представляли собой маленькую, гонимую властями, закрытую, тайную общину.

Уже во II—I веках до н.э. гностические общины существовали на территории Сирии и Египта. В сочетании с христианским учением гностические идеи получили широкое распространение в античном мире и оказали значительное влияние на его духовную жизнь. Своего расцвета гностицизм достиг в середине II — начале III вв., но в дальнейшем был вытеснен возобладавшим христианством. Последнее объясняет тот факт, что большинство гностических произведений не сохранилось до наших дней. Сочинения Епифания Кипрского, Ириния Лионского, Тертуллиана и Ипполита, направленные против учения гностиков, и на сегодняшний день продолжают оставаться едва ли не главным источником сведений по гностицизму, так как, помимо полемики с ересью, содержат довольно обширные цитаты из несохранившихся произведений духовных учителей гностицизма.

Ещё одним источником впечатлений от идей гностиков для поэта мог быть художественный роман популярного на рубеже веков французского писателя Жана Ломбара «Агония». Книга Ломбара выходила на русском языке в 1912 году в книгоиздательстве «Сфинкс». Учитывая популярность, какую пользовалось творчество последнего, и близкую поэту тему,

можно предположить, что хорошо знавший французский язык Кузмин мог познакомиться с «Агонией» задолго до ее выхода в России. В романе Ломбара воссоздана картина римской жизни времен императора Гелеогабала (II в. н.э.), известных как «расцвет упадка». Рим по воле юного императора превратился в одну большую оргию. Неудивительно, что это был период очередных гонений на христиан. Одна из сюжетных линий романа — история маленькой христианской общины гностического толка, действовавшей в Риме. Автор рассматривает жизнь гностиков изнутри, дает описание обрядов.

В самый разгар революции Кузмин пишет цикл стихотворений «София», позднее включенный им в книгу «Нездешние вечера». Поэт возвращается к некогда интересовавшей его теме гностицизма — религиозно-философского течения, близкого к христианству и получившего развитие в Сирии и в Египте в первых веках нашей эры. Интерес Кузмина к гностикам и их учению был предопределен его увлечением эллинизмом и античной философией того периода, главным образом, идеями неоплатоников. Вполне вероятно, что и Кузмин мог увидеть черты сходства между эпохой упадка античного мира, когда всплыли на поверхность мистические культы разного толка, и началом XX века, также отмеченным пестротой мистических течений. Гностицизм привлекал поэта как нечто тайное, не признанное официальной Церковью, потому лишённое фальши, содержащее в себе истину для немногих. Возможно также, что интерес поэта к учению гностиков был продиктован стремлением познать современного «ищущего» человека.

Не случайно время создания цикла «София». Далекий от политики поэт с радостью встретил февральскую революцию, но утверждение советской власти было воспринято Кузминым как торжество темных, дохристианских энергий, что нашло отражение в послереволюционном творчестве поэта. Кузмину, очевидно, было близко представление гностиков об историческом процессе как непрерывной борьбе злого и доброго космических начал, отражением которой является вся человеческая история. Победа большевиков представлялась поэту как торжество зла, хотя и временное.

Открывается цикл стихотворением «София». Стоит отметить, что первое стихотворение нередко служит у Кузмина ключом ко всему циклу или сборнику, несет особую смысловую нагрузку. Оно как бы указывает читателю на центральный образ, с которым так или иначе, явно или неявно, будут связаны все последующие. Это хорошо видно на примере цикла «Фузий в блюдецке» и поэтического сборника «Глиняные голубки». Не исключение и «София», где одноименное первое стихотворение обращает к образу, игравшему ключевую роль в учении гностиков. Понятие Софии, она же Премудрость, существовало задолго до появления гностицизма. Это понятие получило распространение не только в античной философии, но и в иудаизме, и в христианстве, где утвердилось представление об олицетворённой (воплощённой) мудрости. Представление о Софии как о

«Премудрости Божией» получило особое развитие в Византии и на Руси. В русской религиозной философии XIX—XX веков учение о Софии развивали В.С.Соловьёв, С.Н.Булгаков, П.А.Флоренский.

Гностики представляли Софию как творческое начало Верховного Божества, один из важнейших его эонов. Как правило, София мыслилась сущностью женского рода. Согласно гностической мифологии, София, решив покинуть своего Отца, упала с небес, что привело к рождению Демиурга и созданию несовершенного материального мира. Об этом же рассказывает первое стихотворение кузминского цикла. «Распятой невестой» (214) называет себя в своем обращении к Христу София. Нарушив волю своего Небесного Отца, будучи заключена в границы земного бытия, она стремится вновь воссоединиться с Божеством. Здесь и вечная жажда духовно очищения, и стремление отрешиться от бренного, земного, и, возможно, аллегорическое описание происходящего в революционной России. Страна сбилась с пути, отвернулась от Бога, но Он по-прежнему жив в душе народа, по-прежнему существует стремление к свету, а, стало быть, есть надежда, что царство тьмы не вечно.

Другие стихотворения цикла («Учитель», «Шаги», «Мученик») похожи на маленькие зарисовки из повседневной и духовной жизни ранних гностиков. В стихотворении «Фаустина», появляется образ загадочной римлянки, к которой стремится лирический герой. В «Учителе» запечатлен непривычный образ духовного наставника. Необычно, прежде всего, подчеркнутое отсутствие аскетизма:

Полированные приравняю ногти к ониксу, —
Ах, с жемчужною этот ворот пронизью...
(Голубой, голубой хитон!)

Казалось, весь цирк сверху донизу
Навстречу новому вздрогнул Адонису.
(И никто не знает, откуда он) (217).

В христианской традиции голубой цвет обозначает вечность, горний мир, божественное начало. Он — олицетворение истины, верности, целомудрия и правосудия. С помощью цвета Кузмин указывает читателю, что неведомый учитель либо человек, которому введом Истина либо сам Христос. Данное поэтом описание учителя призвано донести до читателя важную мысль: Истина прекрасна и сочетает в себе союз земного и небесного.

Напрямую образ Христа появляется в стихотворении «Рыба», изображающем сцену из Евангелия от Иоанна: Спаситель с учениками рыбачит на Галилейском озере. В христианской традиции эта сцена обозначает зарождение христианской Церкви, призванной служить спасению душ: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» [2: Мф. 4, 18-19; Лк. 5, 1-11. С. 695, С. 742]. В первые века христианства рыба была символом самого Христа, т.к. древнегреческое «рыба» расшифровывалось как сокращенное: «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель». Лирический герой стихотворения

страстно жаждет спасения: «Поймай, поймай! Благовестия / Самой немой из рыб. / Брошусь сам в твои сети я, / Воду веретеном взрыв!» (218). Удивительно по своей глубине и искренности обращение к Спасителю: «Ты мне брат, возлюбленный и няня, / Божественное Дитя» (218). Спасти душу оказывается «детски просто» (с. 218), и эта очевидная, на первый взгляд, истина становится откровением для лирического героя.

Особое место в цикле занимает стихотворение «Базилид» (1917), главный герой которого — историческое лицо, один из наиболее известных духовных лидеров гностицизма Базилид (Василид) Сириец (II в.). Известно, что в 120—140-е гг. н.э. он преподавал в Александрии, Персии и Антиохии, а также посещал Рим. О том, насколько заметной фигурой был Базилид, говорит такой факт: св. Епифаний Кипрский посвятил критике его учения целую главу — «Против Василида» — в своем «Панарионе» [3]. Св. Епифаний Кипрский подробно освещал те из аспектов Базилидова учения, которые наиболее сильно противоречили христианской традиции. В их числе идея о том, что вместо Иисуса на кресте был распят Симон Киринейский. Критике подвергнута в «Панарионе» также мысль о том, что Истина должна быть открыта лишь немногим избранным, а также отрицание гностиками аскетизма. Епифаний Кипрский описывает идеи оппонента в общих чертах, уделяя внимание лишь отдельным аспектам. Более основательные сведения об учении Базилида содержат труды Л.П.Карсавина [4] и А.Ф.Лосева [5].

В стихотворении Кузмина Базилид показан в момент духовного озарения. Подчеркнут контраст между замкнутым пространством затворенного сада, в котором находится герой, и открывшимся ему потусторонним пространством Истины. Откровению предшествовал глубочайший духовный кризис. Дух героя как бы перерос рамки земного бытия, оно теперь тяготит его. Не устраивают его больше и языческие верования, которые теперь кажутся грубыми и изжившими себя:

Я знаю, что был Гомер,
Елена и павшая Троя.
Герои
Жрали и дрались,
И по радуге боги спускались...
Муза, музища
Плоской ступней шагала,
Говоря во все горло...
Милая Музенька
Пальчиком стерла
Допотопные начала.
Солнце, ты не гори:
Это ужасно грубо,
— Только зари, зари,—
Шепчут пересохшие губы...

(«Осенней зари полоской узенькой», 214).

Устами лирического героя Кузмин как бы констатирует факт исчезновения культуры античности, которая теперь воспринимается приземленно, как царство плоти. Эта мысль, странным образом созвучная высказанной в письме к Чичерину, — об утрате

христианством своей первоначальной чистоты, случившейся в тот момент, когда оно стало религией широких масс. Профанация религии, по мысли поэта, влечет за собой разочарование в ней и опасность атеизма. Не случаен и призыв, с которым герой стихотворения обращается к солнцу. Солнечные культы занимали важное место в языческих религиях Древнего Востока; воспринималось как одна из первооснов бытия, источник жизни, доброе начало, побеждающие зло. Актуально это и для Базилида, разочаровавшегося в язычестве, но во многом сохранившего языческое мировоззрение. Его жажда солнечного света, будь это даже узкая полоска вечерней зари, — это стремление вырваться из мрака заблуждений и ложных верований, увидеть свет истины. Стоит отметить, что с солнцем связан и образ Христа в православном мировоззрении. В этой связи тяга Базилида к солнечному свету может быть истолкована как стремление язычника к свету истины, который несет в себе христианство.

Солнечные образы были популярны у русских символистов на рубеже веков. В творчестве таких видных представителей этого направления, как Бальмонт, Вяч. Иванов, Белый, Блок, не всегда наделены положительным содержанием. Кровавые восходы и закаты нередко символизируют надвигающиеся бедствия. Данные образы нашли отражение и в раннем творчестве Гумилева («Песнь Заратустры», «Дева Солнца» из книги «Путь конквистадоров» (1905).

В своей книге об Андрее Белом Валерий Демин делает попытку объяснить происхождение светозарных образов в творчестве Блока, Белого и других символистов необычным природным явлением, имевшем место в начале XX века. Тогда при извержении вулкана произошел выброс в атмосферу на большую высоту облака пыли, которое окрашивало восходы и закаты в ярко-багровый цвет [6]. Многими современниками это явление было воспринято как предвестие будущих трагедий. Вскоре приходит поколение, которое не просто предчувствует трагедию, но жаждет её, как силы, которая уничтожит старые, отжившие формы жизни, даст возможность человечеству начать историю с чистого листа. Сходным образом рассуждает и герой Кузмина, готовый отказаться от привычных, но отживших верований и смело встать на путь новой религии.

Кузминскому Базилиду ниспослано откровения свыше:

И вдруг,
Мимо воли, мимо желаний,
Разверзся невиданных зданий
Светозарный ряд,
Из бледности пламя исторг.
Глашатаем стал бородатый бродяга,
И знание выше знаний,
Чище любви любовь,
Сила силы сильнейшая,
Восторг, —
Как шар,
Кругло, круто,
Кричаще, кипящее
Кудесно меня наполнили (214).

Весь монолог Базилида кажется, на первый взгляд, бессвязным. Но именно посредством такой речи поэту удалось передать восторженное и просветленное состояние человека, которому открылась светлая тайна «семи небесных сфер» (439). В некоторых местах это впечатление духовной наполненности героя усиливается «футуристичностью» стиха:

Эон, Эон, Плэрома,
Плэрома — Полнота,
До домного до дома,
До тронного до трона,
До звона, громозвона,
Ширяй, души душа! (214)

«Базилид» — не единственное стихотворение Кузмина, в котором заметно влияние футуризма. В «Нездешних вечерах» есть стихотворение «Святой Георгий», предшествующее, думается, не случайно, циклу «София». В поэтическом тексте о Святом Георгии Победоносце, победителе змия, опустошавшего земли бейрутского царя, — изложение известного христианского предания. В стихотворении Кузмин акцентирует внимание на чуде спасения царской дочери, предназначавшейся в жертву змею. Автор проводит параллель между сюжетом о бейрутской царевне и античным мифом о Персее и Андромеде. Героиня стихотворения, оказавшись в безвыходной ситуации, призывает на помощь Персея и олимпийских богов. Отчаявшись получить от них спасение, царевна обращается с мольбой к неведомому богу («Мольбу тебе, неведомый, / зову тебя, незнаемый, / спаси меня, трисолнечный, / моря белого белый конник!!!» (207).

Сюжет о спасении девы Святым Георгием у Кузмина превращается в аллегорию. Это история спасения человечества через обращение к христианству и отказ от прежних языческих верований. «Святой Георгий» сходен с «Базилидом» по стилю, эмоциональному накалу и идейному содержанию. Но в «Базилиде» открывшееся герою знание уже четко охарактеризовано как гностическое. Это призваны подчеркнуть гностические термины «эон» и «плэрома». В гностицизме эоны — божественные и совершенные сущности, составляющие мироздание. Иисус Христос мыслился одним из эонов, посланных на землю для того, чтобы вернуть людям утраченное знание и воссоединить их с Плэромой. Плэрома в системе гностических понятий обозначала божественную полноту, состоящую из эонов.

Ещё один гностический термин, упомянутый в стихотворении, — Абракас (Абрасакс, Ялдабаоф, Иалтабаоф). Это понятие было введено в употребление именно Василидом. Он и его последователи придавали магическое значение камням, на которых было вырезано это слово и изображение самого Абракаса: фигуры с человеческим туловищем и руками, петушьей головой и змеями вместо ног. В правой руке Абракас держал плеть, в левой — круг или венчик с двойным крестом внутри. Подобного рода камни обнаруживались во время раскопок в Азии, Египте и Испании, куда они были занесены вместе с василидовым учением.

Абракас мыслился Василидом как создатель физической Вселенной и отождествлялся с солнечной

стихий, что подчеркивало наличие петушиной головы. Данный способ изображения божества был заимствован из древнеегипетской традиции. Абрасакс, солнечный петух, символизировал производительную силу Солнца. Изображая своих богов с головами зверей и птиц, египтяне наделяли их чертами, приписываемыми этим животным. У последующих гностиков восприятие этого образа заметно изменилось. Абрасаса стали изображать как злое начало, демона, противостоящего Богу-Творцу. Абрасас также отождествлялся с ветхозаветным Яхве. Апокриф Иоанна приписывает Абрасасу творение человека по подобию божественного зона Человека, пребывавшего гораздо выше материи.

В «Базилиде» Кузмина камень с начертанным на нем именем Абрасакса ниспослан герою свыше и становится материальным свидетельством божественного откровения:

В руке у меня был полированный камень,
Из него струился кровавый пламень,
И грубо было нацарапано: Абрасас (216).

Красный цвет, цвет крови, сопутствующий образу Абрасаса, не случаен. Кровь — следствие грехов и жестокости земного мира. С другой стороны, здесь возможна параллель с революционными событиями, одним из главных символов которых стало красное (кровавое) знамя Республики Советов. В таком случае революция интерпретируется Кузминым в гностическом ключе, как приход в мир Абрасаса, т.е. победа зла в вечной борьбе светлых и темных сил. Но так как мир дуален, а злое и доброе начало властвуют попеременно, то, следовательно, владычество Абрасаса не может продолжаться вечно, и вслед за тьмой должно наступить торжество света. Название «Абрасас» Кузмин впоследствии использовал для своего альманаха, издававшегося им и группой «эмоционалистов» в 1920-х годах.

Цикл «София» завершается стихотворением «Гермес». Происходящее с лирическим героем как бы иллюстрирует, к чему приводит профанация веры: поддавшись чувственным соблазнам, он утратил связь со своим духовным проводником Гермесом. В

античной мифологии одной из функций этого божества было сопровождение душ в царство мертвых. У Кузмина Гермес — проводник души на ее пути к Истине. Однако лирический герой не достиг состояния, необходимого для принятия божественного откровения. Оставаясь в душе язычником, он стремится к чувственному восприятию божественного и видит в нем лишь внешнюю красоту. Стихотворение словно утверждает мысль о том, что, будучи привязан к земному (т.е. сохраняя языческое мировоззрение), человек не может созерцать свет Истины и обрести спасение души.

1. Кузмин М.А. Избранные произведения / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.Лаврова, Р.Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 576 с. Далее ссылки на Кузмина по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. 2011.
3. Епифаний Кипрский. Творения. В 6 ч. / Пер. Московской духовной академии. М., 1863-1883. Ч. 1-6.
4. Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви: (Раскрытие Православия в их творениях). М.: Издательство МГУ, 1994. 176 с.
5. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. М.: ЧеРо, 1998. 192 с.
6. Демин В.Н. Андрей Белый. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2007. 448 с.

References

1. Kuzmin M.A. [Selected Works]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1990, 576 p.
2. The Holy Bible. The Scriptures of the Old and New Testament. 2011.
3. Epifanij Kiprskij. [Works in 6 parts]. Moscow, 1863-1883.
4. Karsavin L.P. Sviatyje otcy i uchitelja Tcerkvi: (Raskrytije Pravoslavija v ikh tvorenijakh) [Holy Fathers and Doctors of the Church: (Disclosing Orthodoxy in their works)]. Moscow, MGU Publ., 1994. 176 p.
5. Losev A.F. Istorija antichnoj filosofii v konspektivnom izlozhenii [History of ancient philosophy in sketches]. Moscow, CheRo, 1998. 192 p.
6. Demin V.N. Andrej Bely. GZL. [Andrei Bely. Lives of great people]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2007, 448 p.